

Анатолий Байбородин

«ЗЕМЛЮ И НЕБО ЛЮБИЛИ ...»

О творчестве сибирского поэта Анатолия Горбунова

Русский народ – испокон веку художник, особо возлюбивший поэзию, тем паче, если стих обращался в народную песню; и, бывало, народ – голодный, холодный, в тяжких трудах и скорбях, но всё одно стихи слагает; в досельную пору устно – былины, плачи, песни, частушки, ныне письменно – стихотворения. Не ведаю, водятся ли ныне поэты в просвещённой Европе, но ежели и не вывелись в заземлённых, утробных народах, то уж редки, а в России и понынь, куда ни кинь взор – узришь поэта. Сожалею лишь о том, что книжных поэтов, даровитых и талантливых изрядно на Руси, а народных, увы, по пальцам перечтёшь. А коль русский народ до начала прошлого века на три четверти был крестьянским, таковой и ныне по характеру, то и народный поэт неизбежно был крестьянским – природным, Вселенским, ибо сельский мир слит с земной природой и со Вселенной, что выражалось во многовековой устной поэзии, в обычаях, обрядах и древних повериях.

Истинно народным, природным поэтом, Царствие ему Небесное, был мой друг Анатолий Горбунов, и в его лирике я слышал голоса русских веков, зрел мерцание Вселенной, и в памяти оживало посвящённое мне стихотворение...

Ослепший дом. На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих –
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.

«Зелёная отчизна»

В душе теплело, светлело, веселело, словно, наблудившись в сумрачном, таёжном буреломе, вдруг дивом дивным вышел на ясную поляну, где нежатся под тихим солнцем щедрые травы, где из муравы ласково, игриво – бело, сине и зорево – светятся цветы. Эдакое впечатление рождалось, когда читал стихи и сказы Анатолия Горбунова, когда видел, слышал или живо поминал старинного друга.

Анатолий Горбунов – писатель народный, ибо не вышел из народа. Помню, деревенскую побаску... Задубелый второгодник, которому бы хвосты быкам крутить, а не за партой ёрзать, под зорким учительным оком вымучивал некрасовский стих: «Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел... – дальше двоечник забыл и, надеясь высмотреть забытые строки, зыркал в потолок, в окошко, где укрытые снежной кухтой призрачно синели школьные ёлочки. – Я из лесу вышел... и снова зашёл...» Укоротил парнишка стих, ибо лишь строку и выучил: «Я из лесу вышел...», но ловко, оголец, завершил: «И снова зашёл...». Вот и Анатолий Горбунов, уроженец сибирского села Мутино, что на реке Лене, однажды в студёную либо жаркую пору шатнулся из народа, помыкался да вскоре обратно зашёл в народ. А и счастье писателя: взросши и заматерев среди сельского люда, в простолоудье и ужиться обличкой, привычкой, словом и душой. И всё, Богом отпущенное народу по совести, попущенное по грехам, выпало и писателю: и свет, и сумрак души, и радости, и горести, и нужда со стужей, что и воплотилось в лирике.

Как давно я здесь, Господи, не был!
Навестить не пускали дела.
Тетя Лина отправилась в небыль,
Дядю Котю проведать ушла.
Опустела без милых Россия.
Лебеда на завалинке – в рост.
Перестань убиваться, Василий,
Молча сходим давай на погост.
Я любил ненаглядных до дрожи,
Потерял слишком рано своих:
Так они друг на друга похожи –
От забот, от лишений земных!
Посидим в тишине, погорюем...
И пока в жилах силушка есть,
Мы еще, сибиряк, повоюем
За свободу, за русскую честь.

«Утулик»

Если поэт не сумел или не смел выйти из народа, добывая в тайге хлеб насущный, то стихи и проза писателя, краснопевца, краснобая, были похожи на живые беседы у таёжного костра и закатной реки, в заиндевелой зимовьюшке и рыбацьем балагане, у счерневшей и вызеленившей избы и сельской покотины, в сенокосных лугах и осенних брусничниках.

В ловких унтах, кушаком подпоясан,
Был я стремителен, был я прекрасен!
Почту гонял по Сибири на тройке,
Сыпали звон колокольчики бойко,
Пели взхлеб, оглашая окрестность,
Девки сбегались на медные песни.
Кони летели, земли не касаясь,
Жгучей пургой обдавая красавиц.
Сохли по мне полевые цветочки,
Тайно кисеты дарили, платочки
И на вечерках вели разговоры:
Дескать, на ведьму нарвется, провора...
(...)
Старость подрезала крылышки птицам.
Молодость вспомню, до зорьки не спится.
Так мне промчаться на тройке охота!
Жаль, что на смену пришли самолеты.
Смолкли веселые медные песни –
Ворон да волк оглашают окрестность.

«Рассказ ямщика»

Произведения Анатолия Горбунова откровенно учительны ...лишь в том божественное предназначение художественного слова... и учат любви: любви к ближнему, коя предтеча любви к Вышнему, к природе – Творению Божиему, к малой родине – Сибири, без коей нет любви к Великой Родине России, а есть лишь лукавое пустобайство.

Чайка над милым селом
Солнечным ангелом вьётся.
Все, что мы видим кругом,
Родиной нашей зовётся!

(...)

Дунет внезапно сарма –
Кончатся праздники наши...
Будет суровой зима,
Всех она, брат, подпояшет.

(«Звуки»)

Ни злата, ни серебра нам
Не надо во веки –
Бродить бы по диким горам,
Смотреться бы в реки...

От света и теней ряба
Стремнина Витима.
Повисла над лугом изба
На ниточке дыма...

(«Витим»)

Угольками стрелял костерок.
Сивый пепел осел на осоку.
В поднебесье метался дымок,
Как за лапку привязанный сокол.
Безнадёжно рассыпался плот,
Ни к чему его, милая, ладить –
Вон пошли крохали на улёт,
Разбежавшись по зыбчатой глади.

(...)

Листопадом истекшая даль
Обнажила проточные воды,
И легла мировая печаль
На лицо обречённой природы.

«Проводы лета»

Лишь во тьме иногда
Всхлипнет раненный лес,
Тихо ойкнет звезда
И сорвётся с небес.

Не поймать её в лёт,
Не подставить ладонь...
Спутан, жалобно ржёт
Изработанный конь.

«Ночное»

Песенное слово Анатолия Горбунова – не унижающее, но возвышающее чувство опечаленной любви к тихо уходящему родному русскому... У иного же собрата по слову – чувство искренно, сердечно, но обряжено в серое рубище, потому и не волнует читательской души: у другого, хуже того, мастерское слово виснет в душевной пустоте; а у третьего и вовсе, ни чувства, ни слова, лишь громкая, трескучая, корявая фраза; но посмотришь иной раз, корявый и борзый стихоплёт уже и воз книг навалял, и денег у хитреца, как у дурака махорки, а с деньгами волен и надписи из нужника печатать.

Поэт не вздыхает над простолюдьем, что перебивается с хлеба на квас и не видит просвета; поэт живёт той же мирской судьбой; поэт не увеселяется грехами, скорбями и немочами родного народа, чем потешаются смехачи из «голубого ящика»; но поэт и не наряжает русское простолудье в лубочных матрёшек и петрушек.

Мытари. Пропойцы. Самоеды.
Проливая собственную кровь,
Мы чужие празднуем победы,
Мы чужую пестуем любовь.

Грозные потомки Коловрата,
Гордые российские орлы
Присягнули кривде супостата,
Родину обули в кандалы.

От грехов отмоемся не скоро...
Помнит о распятом звонаре
Колокол державного позора –
Брошенная церковь на бугре

«Плач памяти»

Века грешишь и Богу молишься,
Скорбишь и точишь топоры,
А кровью собственной умоешься –
В снегах притихнешь до поры...

«Русь»

Лбами да оземь с разбега.
Или хреново жилось?
Перевернулась телега –
Лопнула русская ось.

«Пролетарии»

Сибирская природа и земляки, приленские чалдоны одарили писателя таким *народным* художественным даром, какой по нынешней Руси днём с огнём поискать, а ночью с лучиной. Почитывая толстые русские журналы ...брать в руки журналы русскоязычные, что ходить в совет нечестивых... читая стихотворные сборники, радуясь народному духу и мудрому слову, редко встречал я на поэтической ниве России стихотворцев, кои бы, как Анатолий Горбунов, с эдаким любовным знанием живописали природу.

Яро вода клубится
В покатых грозных рек.
Талая голубица
Сок пролила на снег.
(...)

Падает с кедра озимь.
Калтусы – голубы.
Звякают звёзды оземь
И о сохачьи лбы.

(«Оттепель»)

Пустую бочку катит гром...
Уже во всю ячмень иглится,
И поперхнулась колоском
На лес кукующая птица.
Привет, березовая зыбь,
И рюмка розовой волнушки
На обкукованной опушке –
Мой самый первый нынче гриб!

«Третья охота»

Журавли зарю играли в трубы,
Веселя распахнутую рань.
Обжигала нам шальные губы
Луговая синяя герань.

На копне в ладоши громко хлопал
Коростель, опоённый росой.
Ручейки секретных наших тропок
Замело небесной муравой...

«Малая родина»

О чём бы ни писал поэт, пусть даже о царствии буржуазного прохиндея и хама, в любом стихотворении – слитая с крестьянским миром русская природа, как нравственное мерило человеческой душе в земной обителище.

Словно чёрная борзая тройка,
Не давая опомниться нам,
Пронеслась по стране перестройка,
До небес подняла тарарам.

Кто зашёлся от криков победных,
Кто зловеще притих до поры...
Не помирят богатых и бедных
Никакие цари и пиры.

«Раскол»

Тишину дробя прикладами,
В дом пришельцы ворвались.
Плачут в травы росы тихие;
Никого не встретишь тут,
Лишь от хохота антихриста
Дыбом волосы встают...

«Соловьи»

Дядя Котя при полном параде
Выпил рюмку – душа напоказ:
– Супостаты России не дремлют,
И пока в жилах силушка есть,
Бейтесь насмерть за отчую землю,
За свободу, за русскую честь...
Долу буйную голову свесил,
Закручинился, больно смотреть...

«Утулик»

Когда уйдёт последний русский,
Восторжествует эра зла, —
Треща по швам от перегрузки,
Извергнет молнии Земля.
Сойдёт с накатанной орбиты
И полетит в тартарары...
Остывший прах Земли убитой
Поглотят мёртвые миры.

«Конец света»

* * *

Чередуясь, выходили в свет поэтические и прозаические сборники Анатолия Горбунова, а потом стихи и сказки для малых ребят, близкие старинным русским сказам и сказкам, рождающие умиление, похожие на засиневшее после затяжной мороси, вольное небо. Послесоветское литературное поле для детей заполнили ядовито яркие, глупые книжицы либо демонские страшилки, почему и растут не милые отроки и отроковицы, а глупцы и страшилища; но коли российская власть жаждет взрастить не поколения злодеев, лихоимцев, пусть даже в овечьей шкуре, а боголюбивых, человеколюбивых, природолюбивых, трудолюбивых и благочестивых страдников России, то в обучении и воспитании детей и подростков без книг, подобных книгам Анатолия Горбунова, властям никак не обойтись.

Вьются над росами
Первые мошки.
Дети и взрослые
Садят картошку.
Над огородами
Солнышка много!
Трудится Родина,
Молится Богу...

«Страда»

Кружевное слово стихов – из сибирской природы, из народа, по образной яркости созвучно исконному и вечному устному поэтическому слову.

Отморозил месяц рожки,
Сразу стал круглей.
Ночь рисует на окошке
Белых глухарей.

На стеклянном токовище
Шелест, скрипы, гул.
Нарисованный волчище
Зайчика спугнул.

Серебрушки-горностаи
По ветвям бегут...
День наступит – и растает
Сказочный этюд.

«Белая сказка»

* * *

Давненько уж знаю и люблю народную и природную поэзию Анатолия Горбунова, но прозу встретил насторожено, – стих в душе выносил, вынянчил, словесно изукрасил да на пеньке ли, на сухой валёжине и запечатлел, вроде тальниковую корчагу сплёл для речных гольянов; проза же не стихи: прозаическое произведение создать, что избу срубить, загодя навалив леса, ошкурив и подсушив. С сомнением, предубеждением подступал я к горбуновской прозе, но чередой прочёл в журналах «Наш современник» и «Сибирь» побывальщины Горбунова, и развеялись сомнения, словно утренний туман под ярким солнцем: и в прозе – художник, живописующий цветастым слогом, благолепно облачающим высокое чувство любви ко всему сущему в горнем и дольном мире.

Оставшись в народе, не распрощался писатель с родной рекой и приленскою тайгой, с отеческим селом, о чём я писал в рассказе «Ленский карнак», избрав Анатолия Горбунова прототипом главного героя Ефима Карнакова. В повествовании оживает больничная палата, где я с Карнаком очутился...

«...Неожиданно в нашей затенённой черёмушником и березняком, сумрачной палате, вроде, оттепилось, посветлело, когда вслед за молоденькой, желтокудрой сестрицей явился Карнак. Так его, Ефима Карнакова, весело прозвали в палате, так он и сам себя величал, расталмачив, что в северной глуши, откуда он родом, карнаками зовут бывалых таёжников, знающих всякую травинку-былинку,

всякую зверушку-пичужку. Был он и впрямь карнаком или языком трепал, но от его поговора и облички терпко пахло тайгой, — пьяныщим духом сосновой смолы, чушачьего багульника, черемши и смородишника. С лица парень ...вылитый чалдон из приленской тайги... был чернее головёшки, какие остаются от жарких таёжных костров, скуластый, хитроглазый и прищуристый; с рысией вкрадчивостью, слегка враскачку ступал чуткими ногами, словно и не по скрипучим половицам ходил, а сосновыми тропами, ублажёнными буроватой, топкой хвоей. (...) Перед выпиской Карнак сунул мне тоненькую, размером в мужичью ладонь, книжечку стихов, и каково же было наше изумление, когда мы прочли на обложке его фамилию, когда увидели на карточке его скуластое, хитроглазое, тунгусоватое лицо. Книжку листали, читали по кругу даже те, кто шарахается от поэтических сборников, яко бес от ладана; читали вслух и про себя; и веяло от стихов смолистым сосновым духом, гудели в поднебесье кедровые вершины, пели на синеватом рассвете Божьи птахи, лаляли на хребтах могучие гураны, и стелился по-над чушачьим багулом, над мхами и кошкаркой сизоватый дымок костра, и тоненько сипела, кружила хвоинки закипающая вода в котелке...»

Позже приписал я эпилог к сказу «Ленский карнак»...

«...Давным-давно сочинил я сей потешный и утешный сказ, словно охотник после промысла, забородатевший по самые очеса завиральными байками, кои якобы заливают матёрый таёга по прозвищу Карнак, — что значит, природознатец и природолюб. Потом вдруг выясняется, что безунывный потешник, дивом сохранивший в городской сорочьей трескотне сочный, солоновато-крепкий, деревенский говор, ещё и поэт.

Прообразом Карнака, повторю, стал Анатолий Горбунов, дивный русский поэт-лирик, избранные стихотворения которого, будь на то моя воля, без всяких оговорок я поставил бы в антологию русского стиха двадцатого века, близкого по духу и слову нашей величавой народной поэзии.

Анатолий Константинович Горбунов родился на Лене-реке в деревне Мутино Киренского района Иркутской области; рос в большой семье, рано пошел работать: пастушил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, пахал в авиации — не лётчик, но и не лёдчик, кои лёд долбят на взлётной полосе, а вроде, радист. Стихи печатал в сибирских и столичных журналах. Автор книг, выходивших в Иркутске и Москве: «Чудница», «Осенцы», «Тайга и люди», «Звонница» «Перекаты». Жил и процветал Анатолий во благо русской словесности, и поэтический талант таёжного певца не сох, не вял, а, когда писались эти строки, поэт издал сразу две книги стихов, — для взрослых и для малышей. Меж стихами удил рыбу, бродил по тайге... А вот Карнак, герой моего трагического и комического сказа, к сожалению, погиб от энцефалитного клеща...

...И, помню, когда сказ про карнака, природознатца и природолюбца, увидел свет в «малолитражной» газетёшке, слонялся я по старинному купеческому особняку, где вольготно обитал Дом литераторов, и тут ухватила меня за локоть Нелли Семёновна Суханова, ворчливая, но хлопотливая хозяйка, на плечах которой испокон века держался писательский приют, похожий на богадельню и странноприимный дом. Да, ворчливая; так и будешь ворчливым и даже бранчливым, ежели, что греха таить, водились и писатели, кои любили крепко выпить, а выпивши, пошуметь... И вот, скупая на похвалы, Семёновна вдруг добрым словом помянула мой сказ

про Карнака, и я обомлел... Не говоря уж о всесветно славенных Вампилове и Распутине, столь ярких дарований на её глазах зрели, а, случалось, и стеснительно мялись в бухгалтерии, ожидая mzды за литературные вечера и рецензии. Чую, на башке лавровый венок растёт, таю в похвалах, яко воск на солнце, и тут Семёновна, словно ушат студёной воды на мою бедовую голову: вначале, мол, верно, а потом, мол, приврал, – не должны эдакие мужики гибнуть, дабы нам грешным не унывать даже в лихолетье, дабы душа не мёрзла даже в крещенскую стужу.

Послушал я Семёновну, поморщился: ага, будет мне всякий бухгалтеришко пальцем тыкать, где верно, где приврал, – знай, сверчок, свой шесток, своди дебет с кредетом; но... подумал, подумал... прикинул хвост к носу: оно, конечно, бухгалтеришко, душа цифирная, а, кажется, верно подметила: не должны эдакие карнаки гибнуть за понюшку табака, от чёртова клеща. Подумав же, набело переписал сказ: оставил Карнака жить, стихи творить, в тайге бродить, и нас, унылых, веселить. К сему, что отрадно для вечно измаянной писательской души, поэт Анатолий Горбунов, признал себя в балагуристом, баешном парне, и, шибко уж суровый к чужому творчеству, похвалил, но тоже просил не губить мужика. Ладно, живи, мужик, увеселяй люд, ибо унынье – грех, ибо от унылых мало проку державе».

* * *

Полвека жил поэт тайгой и рыбалкой, но тяжек промысловый хлеб, а на склоне жизненного века мужика хвори одолели, и помню, с протянутой рукой сутуло шаркал поэт из кабинета в кабинет, Христа ради просил у чиновников и буржуев на издания книг и на жизнь. Бился, колотился на конкурсах, но к денежным премиям так и не пробился: откровенно либеральные, что с русофобским душком, за версту обходил, а лукавые конкурсы, вроде «Ясной поляны», ради заманчивой вывески премиально польстив всесветно славенным советским писателям, нынешних народных писателей, увы, не жаловали, предпочитая книжных и смутных; а премии Союза писателей России – на исподники хватит, а на портки займы проси. И так четверть века... И всё же поклон тем чиновникам и купцам, что учуяли народный песенный дар поэта и подали в протянутую руку...

Долго Анатолий Горбунов таился в тихом скрадке; хворал, книг не печатал, лишь по газетам и журналам – стихи, сказы, словно белые и синие подснежники на солннопёчных проталинах, но вышел сборник «Сторона речная» и две книжки для малых сибирячков, а потом и книга прозы, стаяла хмарь, и в литературном небе засветилась и его путеводная русская звезда. Лишь бы мы, утупившие суетные взоры в закаменелую землю, лишь бы мы бегущие по жизни сломя голову, вдруг замерли, отрадно оглядели небо и в звёздной россыпи высмотрели звезду поэта, и отеплили душой, словно донесли с небес едва внятныя, но ласковые голоса родичей: любите землю русскую, как мы её любили, за которую столь народу головы сложили... Как в стихе Анатолия Горбунова: *«Землю и небо любили, / Свет и застолье даря, / Доброе в людях будили, / Век свой прожили не зря».*

Анатолий Горбунов взрос и заматерел в народном безбожии, да еще и таежничал изрядно, а

таёги, как со вздохом говаривали пахотные мужики, месяцами не моются, пню горелому молятся; а потом, очутившись в Иркутске, ленский чалдон окунулся еще и в здешнюю богему, хмельную и любострастную. И даже когда, кажется, слово Божие вместила душа, но... хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, да идти легко. Но догорела молодость, как в таежных хребтах догорают кострами сиреневые заросли багула, и подступила старость... «Душа грустит о небесах...» – тихо молвил усталый поэт Есенин; вот и душа сибирского писателя, измученная скорбями и хворями, тревожно и томительно взгляделась в небеса: что ждёт душу, коя день во грехах, ночь во слезах. Оно, конечно, без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь, да и у Бога милости много, не как у мужика горюна, а всё одно, щемит душу лихо...

За спиной всё глуше раздаётся
Скрип ступенек отчего крыльца...
Может, у последнего колодца
Пыль земную сполоснём с лица.

В час росы вселенского затишья
В поднебесье высветится храм,
Милостиво спустится Всевышний,
Ласково погладит по вихрам.

«К Богу»

Пришла на память баешная притча или притчевая байка, кою я запечатлел в очерке о писательском служении царице искусств – отчему слову...

«Ангелы тьмы крючьями сдёрнули писательскую душу с лестницы мытарств и повлекли в ад кромешный, где «плач и скрежет зубов», "где червь не умирает и огонь не угасает». Миновали лютого разбойника ...душегуб варился в копотном котле, что висел над яростным огнем... и подвели писателя к надраенному котлу, под коим шаял тусклый костерок. Глянулось писателю: нежарко... Долго ли, коротко ли, но костер под разбойником стал слабеть, а под писателем разгораться; и возопил горемычный сочинитель: де, отчего же у разбойника огонь стихает, а у меня, знаменитого писателя, пуще ярится...» Ангел тьмы ответил: «Разбойник уже не грешит, и богомолы, земные и небесные, замаливают его грехи; а ты и на небе смертно гресишь, ибо тьма читающих твои сочинения и поныне искушается похотями, кои ты, безумец, воспел...».

Истинно, истинно, иереи, архиереи, патриархи отвечают не токмо за души свои, но и за души прихожан; воспитатели детского сада и школьные учителя – за детские души; писатели же, пока живы их сочинения, – за души своих читателей, как и прочие искусники – за души своих поклонников. А

посему, не дай Бог писателю оставить после себя воспетые в слове страсти земные, да упаси Бог, еще и талантливо воспетые, ибо «рече же [Иисус] ко ученикам своим: не возможно... не прийти соблазнам, горе же через кого приходят; лучше ему было бы, аще жернов мельничный повесили на выю его и ввергли в море... (Лк. 17: 1-2)

О лирике Анатолия Горбунова можно сказать словами Пушкина: "...здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», «...и милость к падшим призывал...», «...велению Божию, о муза, [была] послушна... " Писатели – люди земные, смертные, не ведают, как их слово отзовется в небесах, но коль воспели любовь к Богу, да хоть к ближнему, что предтеча любви к Вышнему, и воспели любовь к земле – Изножью Божию, то и Господь будет милостив не по грехам их. На то и уповаю, читая стихи и сказы Анатолия Горбунова, и молюсь: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Анатолия, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное». Аминь.

2001, 2016 годы